

УДК 94(47)639.2«1861-1914»(470.23 – 25)

В. Н. Никулин

ПРОМЫСЛЫ КРЕСТЬЯНОК СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

7

Исследовано участие крестьянок северо-западных губерний России в отдельных местных промыслах: ткацком, вышивальном, кружевном. Охарактеризованы условия промысловой деятельности женщин. Сделан вывод о полной зависимости работниц от посредников, снабжавших крестьянок сырьем и продававших их изделия на рынке. Отмечены явления, свидетельствовавшие о формировании капиталистических форм использования труда крестьянок, занятых в промыслах, в том числе в виде рассеянной мануфактуры.

This article explores local crafts of peasant women of the north-western provinces, namely, weaving, needlework, and lacework. The work conditions are examined. The author stresses that workers were highly dependent on dealers who provided them with raw materials and sold their products at the market. The phenomena identified are indicative of the formation of capitalistic forms of using the labour of peasant women practicing crafts, including that of a "dispersed manufactory."

Ключевые слова: Новгородская губерния, Псковская губерния, Санкт-Петербургская губерния, местные промыслы, женские промыслы, кустарничество, мануфактура.

Key words: Novgorod province, Pskov province, St. Petersburg province, local handicraft, female handicraft, craft industry, manufactory.

Местные промыслы как особая форма ремесленного производства крестьян во второй половине XIX – начале XX в. оказывали серьезное влияние на внутреннюю жизнь крестьянского двора, взаимоотношения между городом и деревней, материальную и духовную жизнь сельского социума. Значительно отличавшиеся локальными особенностями, определяемыми преимущественно природно-географическим фактором, промыслы занимали заметное место в эволюции капитализма в стране. На формирование крестьянских промыслов и их состояние влияли культурная традиция, состояние сырьевых ресурсов и путей сообщения, характер спроса, а также крупное промышленное производство.

В северо-западных губерниях России недостаток пахотных угодий, малоплодородная земля, короткий вегетационный период не позволяли жить только за счет земледелия. Ежегодно населению Новгородской губернии не хватало около 15 млн пуд. ржи [1, с. 267], аналогичной бы-

ла ситуация с хлебом в Псковской и Санкт-Петербургской губерниях. Для покупки хлеба и уплаты податей крестьянам приходилось обращаться к сторонним промысловым заработкам. Наличие обширной сети сухопутных и водных путей сообщения, природных ресурсов, прежде всего леса, близость крупного промышленного центра — Петербурга — благоприятствовали развитию промыслов, в которых наряду с мужчинами принимали участие и женщины. Обследования конца XIX — начала XX в. выявили свыше 40 различных крестьянских промыслов, поставивших на рынок разнообразную продукцию с учетом потребительских нужд населения и запросов фабрично-заводской промышленности.

8

Крестьянки трудились во многих промыслах, распространенных в северо-западных губерниях России. Только в гвоздарном, слесарном, экипажном, шерстобойном, скорняжном, судостроительном и токарном промыслах крестьянки, как правило, не участвовали. В специфически женских промыслах — ткацком, строчно-вышивальном, косыночном, кружевном и чулочном — они доминировали. Привлекались женщины и к работе в отдельных промыслах, традиционно считавшихся мужскими. Они участвовали в лесозаготовках, складывая из напиленных дров поленицы [2, с. 130], помогали мужчинам при вскрышных работах на плитных ломках, нагружая тачки землей [3, с. 195]. Значительное участие принимали крестьянки в сетевязальном, корзиночном, гончарном, спичечном и овчинном промыслах [4, с. 4—5]. Велика была роль женщин в отхожих промыслах, но это тема особого разговора.

В статье рассматривается участие крестьянок преимущественно в строчно-вышивальном, косыночном, кружевном и чулочном промыслах, не нуждавшихся в сложном техническом оснащении и не отрывавших женщин от домашнего хозяйства. Разумеется, речь пойдет не о домашней разновидности ремесла, когда практически в каждом крестьянском дворе женщины вязали и вышивали для членов семьи, а о занятиях промыслового характера, связанных с рынком. По подсчетам А. А. Рыбникова, в начале XX в. в Новгородской губернии в таких промыслах участвовали свыше 3 тыс. крестьянок, в Санкт-Петербургской — более 1 тыс., а в Псковской губернии — несколько десятков мастериц [5, с. 52—53, 62—63, 68—69; 6, с. 26]. Исследователи не раз писали о значительном количестве крестьянок, изготавливавших косынки, кружева и вышивки в Новгородской и Петербургской губерниях и льняное полотно — в Псковской [7, с. 86].

В дореформенный период так называемые сенные девушки из крестьянок занимались плетением и вышиванием в одной из рабочих комнат помещичьего дома под руководством опытной кружевницы. Для этого рукоделия помещики выписывали из-за границы «брабантские и голландские» нитки высокого качества. После уничтожения крепостного права изготовление кружев у помещиков прекратилось. Многие искусные мастерицы по разным причинам вынуждены были оставить это занятие, однако часть крестьянок продолжала изготавливать кружева либо на заказ, либо на продажу. Для некоторых из них кружевоплетение превратилось в промысел, доходы от которого пополняли

семейный бюджет. Во многих крестьянских семьях девочек 7–8 лет начинали приучать к рукоделию. Благодаря бывшим дворовым девушкам освобождение крестьян стало фактором, способствовавшим распространению кружевного мастерства среди крестьянок окрестных деревень [8, с. 104]. Не все кружевницы постоянно занимались плетением, для некоторых из них это занятие было побочным, когда кружева изготавливались в свободное от полевых и домашних работ время. Однако в течение всего года многие женщины прежде всего плели кружева. Готовая продукция реализовывалась через скупщиков (преимущественно женщин), снабжавших кружевниц материалами в кредит и получавших доход в 12–50 % к заработку мастериц. На отдельных скупщиц работали десятки, а в некоторых случаях и более сотни кружевниц. В результате процесс изготовления продукции оставался в руках работниц, но реализация изделий полностью переходила в руки посредниц. Фактически шел процесс соединения в той или иной комбинации семейного труда с капиталистическим наймом. Разумеется, этим социальная роль скупщиц не ограничивалась. С их помощью изделия мастериц выходили далеко за рамки местного рынка, что способствовало более массовому развитию промысла. По мнению А. А. Рыбникова, скупщики являлись «неизбежными спутниками массового кустарного производства» [6, с. 112]. В условиях рыночной экономики концентрация оборотного капитала в руках скупщиц позволяла им одновременно привлекать к работе многих крестьянок. Это придавало социальным отношениям между торговками и мастерицами характер раннекапиталистической эксплуатации.

Не гнушались скупщицы заниматься ростовщичеством. В свою очередь, сами мастерицы, имея возможность получить кредит, брали его под невыполненную еще работу. Таким образом, в процессе производства кружев происходило формирование, с одной стороны, слоя зависимых, фактически наемных работниц и, с другой – сельской буржуазии в лице скупщиц. Конкурентная борьба между скупщицами сказывалась на качестве изготавливаемых кружев, поскольку мастерицы убеждались, что изделия будут куплены независимо от их качества. Если какая-либо скупщица отказывалась взять недостаточно чисто и хорошо изготовленное кружево, то мастерица могла продать свои изделия менее требовательной скупщице по цене доброкачественной работы, что в результате обесценивало кружево высокого качества.

Известный знаток крестьянских промыслов Н. В. Пономарёв отнес производство кружев к крупным кустарным промыслам Новгородской губернии [9, с. 23]. На рубеже XIX–XX вв. кружевоплетением здесь занималось не менее 2 тыс. крестьянок [31, с. 215].

Так, в летнее время трудившиеся не только по хозяйству, но и на своем огороде, крестьянки Белозёрского уезда Новгородской губернии в свободное время предпочитали изготавливать кружево. В 1870-е гг. развитию промысла способствовала распространившаяся среди сельского и городского населения мода на кружева. К 1881 г. свыше 300 мастериц в уезде были вовлечены в кружевной промысел [8, с. 173]. В каче-

стве материала для кружев крестьянки использовали пачесные нитки, свитые из льняной кудели в домашних условиях, а также купленные фабричные тонкие шелковые и паутинные нитки. В среднем за год одна мастерица могла сплести около 180 аршин (127,8 м) мерного кружева. Кружевоплетение было одним из наиболее тяжелых женских промыслов. Мастерицы трудились по 14–19 часов в сутки, что не могло не сказываться на их здоровье. В то же время промысел благотворно влиял на быт крестьянской семьи, поскольку требовал как опрятности самих кружевниц, так и чистоты в помещениях, где они работали. В среднем дневной заработок мастерицы составлял около 20 коп., а за каждый рабочий сезон крестьянка могла изготовить кружев на 50–60 руб. На заработки от плетения кружев крестьянки «обзаводились» городской одеждой, малоземельные же крестьяне покупали хлеб, чай и сахар.

С начала 1890-х гг. среди крестьянок Бураковской, Волокославинской, Талицкой, Ферапонтовской и других волостей Кирилловского уезда широкое распространение получил промысел по изготовлению шелковых шарфов и косынок. В начале XX в. этим доходным промыслом занимались в уезде не менее 2 тыс. женщин [5, с. 52–53]. Продолжительность трудового дня работниц колебалась от 10 до 17 часов. Готовая продукция сбывалась через скупщиков в Вологду, Москву, Петербург, Рыбинск и Ярославль [4, с. 22]. Благодаря близости к Вологодской губернии крестьянские девушки Ковжской и Чаромской волостей Череповецкого уезда освоили кружевное плетение на коклюшках. Шелк для работы они получали от скупщиц («акул»), которые определяли рисунок узора и назначали цену на готовые изделия. Месячный заработок крестьянки за 4–5-часовой рабочий день при сложной и кропотливой работе не превышал 50–80 копеек, поскольку львиная доля дохода от промысла доставалась «акулам» [10, с. 60–61]. В Кирилловском уезде на рубеже XIX–XX вв. изготовлением шелковых и шерстяных косынок занимались свыше 100 женщин и девушек Талицкой и Бураковской волостей. Отдельные мастерицы зарабатывали до 15 коп. за день [11, с. 8].

Занятые вязальным промыслом крестьянки оказывались в исключительной зависимости от торгового капитала в лице скупщиков, снабжавших мастериц сырьем и забиравших готовую продукцию [4, с. 23]. В Крестецком уезде крестьянки деревень Заозерье и Окуловка Заозерской волости использовали для производства носков и чулок вязальные машины, приобретенные в Петербурге. Сырьем служила пряжа, изготовленная мастерицами соседних деревень. За пару носков выручали 20–25 коп., а за пару чулок – 30–40 коп. Незначительная часть продукции вывозилась в столицу, все остальное реализовывалось на месте [12, с. 15–16]. Чулочно-вязальным промыслом занимались также крестьянки Рядовской волости Боровичского уезда. Одни трудились у себя дома на собственных машинах, другие использовали машины, предоставленные «хозяйчиками», а третьи работали в мастерских, принадлежавших «хозяйчикам» [13, с. 265]. Рабочий день женщин и девушек, занятых промыслом, длился 12 часов. Изделия сбывались преимущественно через скупщиков [4, с. 23; 14, с. 13].

Самым известным промыслом новгородских крестьянок была строчевая вышивка [4, с. 22]. Ее часто называют «крестецкой», поскольку зародилась она в 60-х гг. XIX в. в селе Старое Рахино Крестецкого уезда [15, с. 256]. Центром промысла являлись Заозёрская, Китовская и Рахинская волости. Отсюда промысел быстро распространился по другим уездам губернии (к 1905 г. крестецкой вышивкой занималось около 1 тыс. крестьянок). Как правило, в крестьянской семье вышивали две, три и более мастерицы; работавших в одиночку было мало. Из домоуканого льняного полотна, частично выдергивая вдоль и поперек нити, изготавливали сетку, которая заполнялась узорами путем плотного переплетения основы. Для крестецкой строчки, выполнявшейся белыми нитками на белом или кремовом фоне, характерны строгие композиции ажурных и плотных геометрических орнаментов на сквозном фоне – кружков, снежинок, звездочек. Она использовалась для украшения скатертей, полотенец, пододеяльников, салфеток, накидок на подушки, занавесок и портьер. Значительные масштабы приобрело изготовление подзоров¹. Большинство готовых изделий за бесценок приобретали посредники, среди которых особую предприимчивость проявляли скупщики из крестьян села Старое Рахино – Кондрашов, Левин, Никаноров, Туманов и другие, всего около 20 человек. Часть продукции реализовывалась через кустарный склад Крестецкого земства. Для снабжения мастериц холстом земство открыло льнопрядильно-ткацкую мастерскую в деревне Клюкшино [1, с. 270].

Поразительная прочность изготовленных изделий, красота белых узоров и высокое качество исполнения обеспечили крестецкой строчке устойчивый и широкий сбыт. Крестецкая строчка пользовалась неизменным спросом не только у жителей российских городов; она была чрезвычайно популярна и за рубежом. В зависимости от сложности узора и качества исполнения работы аршин вышитого полотна стоил от 60 до 90 коп. Заработок вышивальщицы оказывался заметным подспорьем в крестьянском хозяйстве, особенно в неурожайные годы, так часто случавшиеся на новгородской земле [16, с. 115].

В Петербургской губернии вязание было широко распространено в Городищенской, Дудергофской, Мозинской, Никольской, Покровской и Тосненской волостях. Крупным центром кружевного промысла стала Городищенская волость Новолодожского уезда, где многие крестьянки сел Заднево, Иконово, Матозово, Мотохово, Панихино и Прусина плели кружева, косынки, шарфы и кофточки [17, с. 128–129]. Промыслом занимались не только замужние крестьянки, но и девушки и даже девочки 8–10 лет. Наиболее интенсивно плели кружева преимущественно осенью и зимой, в весенне-летний сезон работа велась от случая к случаю. Готовая продукция через скупщиц сбывалась в столице и в Старой Руссе Новгородской губернии. Дневной заработок кружевницы составлял 30–60 коп., с вычетом расходов – 10–12 коп. [18, с. 128; 19,

¹ Подзор – кружевная кайма, обрамляющая нижний край простыни или покрывала.

с. 118; 20, с. 161; 21, с. 60]. Современники отмечали постоянный рост числа мастериц, занимавшихся промыслом. Аналогичный процесс был зафиксирован и среди крестьянок села Никольское Никольской волости Шлиссельбургского уезда, где треть женского населения плела кружева и салфетки, попадавшие через скупщиков в Петербург. Годовой заработок кружевницы составлял 15–20 руб., в отдельных случаях 40–60 руб. [21, с. 62; 22, с. 105; 23, с. 175, 178; 24, с. 158; 25, с. 147; 26, с. 10]. В селах Добручинской волости Гдовского уезда изготавливались только кружева, которые продавались через скупщиков на местных ярмарках и в Нарве [24, с. 147]. В Лужском уезде также имелись крестьянки-вязальщицы, работавшие на рынок [27, с. 71, 73]. В Царскосельском уезде вязанием кружев, чулок, варежек и строчевым промыслом занималось свыше 560 крестьянок [5, с. 62–63; 31, с. 229].

Прядильный и ткацкий промыслы были развиты в ряде волостей Псковской губернии, поставлявших на рынок в значительном количестве простой льняной холст [28, с. 495]. Большая часть тканей реализовывалась в пределах губернии, поскольку благодаря своей прочности, художественным достоинствам и невысокой цене они успешно конкурировали с фабричной продукцией. Техника кустарного прядения и ткачества находилась на невысоком уровне, во многих селениях Псковской губернии употреблялись ручные прялки. Только в Опочечком уезде ручные прялки были полностью вытеснены механическими [29, с. 144]. В Новгородской губернии для улучшения техники промысла и более широкого его распространения Белозерское, Демянское и Старорусское уездные земства открыли на свои средства учебные ткацкие мастерские [4, с. 21–22], производившие льняное полотно, сарпинки² разного рисунка, махровые и вафельные полотенца, тик³ для изготовления белья, салфеток и скатертей [30, с. 126].

Вовлечение крестьянок в товарное производство кружев, вышивок и других изделий имело значительные последствия для крестьянского двора. Доход от проданных изделий существенно пополнял годовой бюджет крестьянской семьи, что давало возможность успешно рассчитаться с податями и приобрести необходимые товары. В долгие зимние месяцы, когда интенсивность работы в крестьянском хозяйстве резко уменьшалась, промыслы позволяли организовать досуг женщин, принося при этом экономическую выгоду.

Список источников и литературы

1. *Обзор деятельности земств по кустарной промышленности* : в 3 т. СПб., 1913. Т. 1.

2. *Никулин В.Н.* Из истории лесных промыслов сельского населения северо-западных губерний России (вторая половина XIX – начало XX века) // *Северо-Запад в аграрной истории России*. Калининград, 2012. Вып. 19.

² Сарпинка – легкая хлопчатобумажная ткань из тонкой крашеной пряжи.

³ Тик – плотная ткань из льняной или хлопчатобумажной пряжи.

3. *Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии.* СПб., 1882. Вып. 2 : Крестьянское хозяйство в Шлиссельбургском уезде.
4. *Новгородская губернская земская управа. Доклад по кустарной промышленности.* Новгород, 1909.
5. *Рыбников А.А. Мелкая промышленность России. Сельские ремесленно-кустарные промыслы до войны.* М., 1923.
6. *Рыбников А.А. Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий.* М., 1913.
7. *Ширгазин О.Р. География кустарной промышленности России в начале двадцатого века // Наследие и современность : инф. сб. М., 1997. Вып. 5.*
8. *Кустарная промышленность России. Женские промыслы.* СПб., 1913.
9. *Пономарёв Н.В. Краткий обзор кустарных промыслов.* СПб., 1896.
10. *Фёдоров И.В. Описание кустарных промыслов Новгородской губернии.* Новгород, 1910.
11. *Кустарные промыслы. Текущая статистика за 1895/6 сельскохозяйственный год.* СПб., 1897.
12. *Материалы по исследованию кустарной промышленности в Новгородской губернии.* Новгород, 1912.
13. *Василевский П.И., Шлифштейн Е.И. Очерки кустарной промышленности СССР.* М., 1930.
14. *Пономарёв Н.В. Кустарные промыслы в России.* СПб., 1900.
15. *Бутылина С.И. Из истории образования крестецкого строчегово промысла (конец XIX – начало XX в.) // Новгородский край : матер. науч. конф. Л., 1984.*
16. *Материалы по оценке земельных угодий Новгородской губернии. Крестецкий уезд.* Новгород, 1910. Вып. 3 : Статистико-экономические данные о крестьянском населении уезда.
17. *Статистический сборник по Санкт-Петербургской губернии (далее Статистический сборник...). 1912 г. Вып. 1 : Сельское хозяйство и крестьянские промыслы в 1912 г.* СПб., 1913.
18. *Статистический сборник... 1904 и 1905 гг. Вып. 1 : Сельское хозяйство и крестьянские промыслы в 1904 и 1905 гг.* СПб., 1906.
19. *Статистический сборник... 1906 г. Вып. 1 : Сельское хозяйство и крестьянские промыслы в 1906 г.* СПб., 1907.
20. *Статистический сборник... 1907 г. Вып. 1 : Сельское хозяйство и крестьянские промыслы в 1907 г.* СПб., 1909.
21. *Статистический сборник... 1911 г. Вып. 1 : Сельское хозяйство и крестьянские промыслы в 1911 г.* СПб., 1912.
22. *Статистический сборник... 1899 г. Вып. 1 : Сельское хозяйство и крестьянские промыслы в 1899 сельскохозяйственном году.* СПб., 1901.
23. *Статистический сборник... 1902 и 1903 гг. Вып. 1 : Сельское хозяйство и крестьянские промыслы в 1902 и 1903 гг.* СПб., 1905.
24. *Статистический сборник... 1910 г. Вып. 1 : Сельское хозяйство и крестьянские промыслы в 1910 г.* СПб., 1911.
25. *Статистический сборник... 1913 г. Вып. 1 : Сельское хозяйство и крестьянские промыслы в 1912–1913 гг.* Пг., 1914.
26. *Кустарные промыслы Санкт-Петербургской губернии.* СПб., 1902.
27. *Сорокин А.Г. Докладная записка А.Г. Сорокина о развитии кустарных промыслов в Лужском уезде по данным 1-й Всероссийской кустарно-промышленной выставки и съезда деятелей 1902 г.* Луга, 1902.
28. *Доливо-Добровольская А.Н. Ткацкое производство // Кустарная промышленность России. Разные промыслы : в 2 т. Т. 1.* СПб., 1913.

29. *Обзор деятельности земств по кустарной промышленности* : в 3 т. СПб., 1914. Т. 2.

30. *Обзор деятельности земств по кустарной промышленности* : в 3 т. Пг., 1916. Т. 3.

31. *Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий.* М., 2004.

Об авторе

Валерий Николаевич Никулин – д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: nikuliny@mail.ru

About the author

Prof. Valery Nikulin, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: nikuliny@mail.ru